

«Упразднение богословия»

6 апреля 2012 г.

Соколовски Августин, диакон, Иосиф (Павлинчук), иеромонах

Предлагаем вниманию читателей Богослов.Ru диалогическое размышление о богословии. В отличие от предыдущих диалогов постоянных авторов портала, настоящий текст представляет собой открытую дискуссию без попытки консенсуса, а потому не содержит деления на тематические подзаголовки. Диалог касается пасхального времени, в котором мы живем.

Иеромонах Иосиф (Павлинчук): В современном мире все чаще приходится слышать о богословских дисциплинах, о кафедрах теологии, о богословском образовании и других подобных вопросах. Многие престижные университеты готовят специалистов богословов, а некоторые вузы даже предлагают писать и защищать кандидатские, докторские работы по этой специальности. Если еще пятнадцать-двадцать лет назад было бы странно говорить о богословии в советских академических кругах, то сейчас многие понимают, что без богословия становится неуютно в научном мире. Однако что такое богословие? Какое место богословия среди других современных наук? Почему серьезные аналитические дискуссии все чаще не проходят без участия богословов? Какая связь между верой и богословием? Кто может стать богословом, и нужно ли для этого особое призвание?

Технический прогресс, компьютерные технологии, огромные достижения в области генетики, в области микро- и макроэлементов клетки, покорение космоса и изучение ядра земли уводят человека далеко за пределы воображаемых реалий. Казалось бы, всем можно управлять и все можно познать простым нажатием кнопок-клавиш. И тем не менее человек не может удовлетворить своих потребностей и желаний во всем этом широком спектре технических инноваций. Поиск духовного мира, высшего смысла бытия никогда не покидал человека. Способно ли современное богословие дать ответ на сокровенные и откровенные вопросы, после психоанализа З. Фрейда, антропологии Ф. Ницше и эволюции Ч. Дарвина, дать ответ в нашу эпоху, часто называемую временем постмодернизма?

Диакон Августин Соколовски: Современному богословию в целом удалось рецепировать наследие трех только что упомянутых мыслителей – Дарвина, Ницше и Фрейда, – в нейтральном смысле нередко называемых «пророками современной цивилизации». Более того, мысль каждого из них стала для богословия источником мощного вдохновительного импульса на пути дальнейшего размышления над смыслом и миром в перспективе дела Христова – основного целеполагания богословского труда.

Развитие цивилизационных процессов приводит к постановке закономерного вопроса о смене основных парадигм мышления, что и отражается на переформатировании самого определения современности, отныне называемой постмодернизмом. И здесь для богословия открываются новые горизонты вопросов и ответов, требующие от ученого максимальной концентрации богословской, философской и общемировоззренческой эрудиции, необходимой для адекватной контекстуализации задаваемых проблематик. Существуют и способы ухода от непосредственной конфронтации с подобными вызовами, одним из которых является богословие, берущее за основу выведенное из первоначального контекста утверждение «богослов – тот, кто много молится» и тем самым упраздняющее необходимость квалитативного соответствия формулируемым параметрам мышления.

о. Иосиф: Одним из слабых мест современного богословия является проявление некой теплохладности, замыкание в себе или уход от конфронтации с миром искусства, с философскими системами и нынешней культурой. Об этом еще апостол Иоанн Богослов предупреждал в Апокалипсисе: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15 -16).

«Теплохладность», таким образом, представляет собой отсутствие естественной реакции ума и сердца, ровное безразличие к окружающему миру. Высказывание Евагрия Понтийского «если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты – богослов» является не девизом такого мышления, а скорее обличением. Призыв к «истинной» или правильной «молитве» – это призыв к осмыслению своей веры, к аргументированному доказательству богословского опыта, опыта богообщения. И в обязанность богослова и богословия в целом входит сочетание опытного молитвенного участия в церковной жизни и богословская рефлексия. Таким образом, богослов становится как бы проводником и преобразователем (трансформатором): с одной стороны, он получает одухотворяющую благодать Духа Святого, с другой стороны, он открыт для диалога с окружающим миром и легко делится

духовными дарами и накопленным опытом.

о. Августин: Утверждение, для подтверждения своего нуждающееся в виртуозном истолковании, само по себе вряд ли правомочно. Для правильного понимания определения богословия как молитвы необходима соответствующая де-контекстуализация, позволяющая понять первоначальную расстановку акцентов, а также определить закономерности перемещения истолковательных координат определения, приближающие нас к пониманию логики современного воспроизведения этой святоотеческой аксиомы о богослове.

Определение «богослов – тот, кто много молится» восходит к Григорию Богослову (+389) и в его мышлении и биографии соотносится с призывом к необходимости воздерживаться от необдуманных богословских спекуляций при отсутствии должной квалификации. По сути, определение Григория прямо противоположно его восприятию в современном контексте, связка «богословие – молитва» противопоставляется как бы заведомо неполноценному и изначально дефицитарному труду богослова-ученого.

Подобное же определение богословия мы встречаем у Григория Нисского (+394). Григорий открыто говорит о том, что богословие и богословское рассуждение стало добычей людей, не развитых должно в интеллектуальном плане, данью моде, а потому призывает вернуть богословие туда, где оно берет свой изначальный импульс – происходит это в работе над собой, интеллектуальном размышлении и философском творчестве. Григорий с глубоким энтузиазмом воспринимал переживавшую тогда необыкновенный расцвет монашескую харизматическую духовность, а потому у него мы действительно можем найти тенденцию к замене богословия молитвенным видением созерцания.

Евагрий Понтийский (+399) – единственный автор нашего Добротолюбия, называемый Аввой, но не именуемый преподобным по причине формального осуждения Церковью. У Евагрия мы встречаем тенденцию к элитарному обособлению аскетов, достигших высокой стадии совершенства, что делает их способными к особому способу мышления, восприятию реальности как совокупности кодов, скрывающих – но для посвященных раскрывающих – замыслы Божьи о мире и человеке. Спасение во многом отождествляется со знанием, и, как следствие, богословие приобретает новую аскетическую контекстуализацию.

И все же думается, что в вопросе об определении богословия мы встречаемся с одной из наиболее богатых следствиями двусмысленностью в истории. Ведь столь привычное нам наименование «богослов» и «богословие» по отношению к изучаемой, преподаваемой и передаваемой дисциплине отсутствует в первоначальном лексиконе церковного знания и окончательно вводится лишь в эпоху Нового Времени, во многом в результате полемики с Реформацией и полемики Реформации со своими внутренними и внешними оппонентами. Привычное поздней античности и классическому Средневековью наименование церковного знания встречается нам, в частности, в названии важнейшего произведения святоотеческой богословской герменевтики – «О христианском учении» (De Doctrina Christiana), принадлежащего Августину Иппонскому. В патристическую эпоху под «богословием» подразумевалось повествование о языческих богах, богословие же в современном смысле именовалось священным учением.

В новейшее время определение богословия как молитвы встречается у преподобного Силуана Афонского (+1938). Нетрудно заметить, что вопреки буквальному воспроизведению этой формулы, контекстуальность ее употребления не может оставаться прежней хотя бы по причине временной дистанции между Силуаном и только что упомянутыми мыслителями. Возможно, что слова Силуана употребляются комментаторами его мысли для необходимого в контексте их богословского размышления выведения православного богословия за рамки формальных богословских требований.

о. Иосиф: Богословие – как образ жизни. Определяя богословие как молитву, мы не можем уйти от другого определения: «Богословие как образ жизни». В сущности, эти определения не противоречат друг другу, но дополняют и раскрывают смысл друг друга.

Греческое слово «θεολογία», пожалуй, только на славянский язык переведено калькой – «богословие», то есть слово о Боге. Такой дословный перевод не делает возможным более глубокое понимание термина. Ведь для греческого языка слово «теология» практически является синонимом слова «теория» (θεωρία), созерцание, что предполагает понимание богословия и как учения, и как предстояния.

Непосредственное общение с живым Богом делает богословие одной из самых сокровенных, мистических и в тоже время доступных каждой личности наук.

Павел Евдокимов в своей книге «Таинство Любви» пишет: «Среди катакомбных изображений чаще других встречается фигура молящейся женщины – Оранты. Таково единственно верное расположение человеческой души. Недостаточно читать молитвы; мы призваны стать молитвой во плоти. Недостаточно переживать «мгновения хвалы»; вся наша жизнь — каждый поступок, жест, улыбка — должна стать песнью славы, жертвой, молитвой. Отдавать надо не то, что имеешь, а то, что ты есть». Хотя в этом фрагменте автор не упоминает термина «богословие», но именно в таком ключе следует понимать «богословие как образ жизни», то есть вся наша жизнь должна стать богословием.

о. Августин: Богословие как образ жизни – повседневный труд, кропотливая работа, ежедневное повторение усилия по изучению, чтению, сознание того, что богословское умение не приобретается в сжатые сроки, но является капиталом, накапливаемым десятилетиями. Богословский труд – это умение слушать, готовность учиться заново и каждый день обновлять базу данных своей эрудиции. Богословие – это сила воли.

Новое Время дает нам возможность биографически прочитывать историю. Это делает нас способными увидеть, из чего складывался жизненный ритм величайших богословов последних столетий. Корнелий Янсениус (1585–1638) многократно полностью перечитывает полное собрание произведений великого Августина Иппонского (+430), на однократное прочтение которых, по слову его биографа Поссидия, едва хватило бы жизни.

Перенесемся во времени. Карл Ранер (1904–1984) оставил после себя десятки томов богословских трудов, его жизнь характеризовала интенсивная научная работа и преподавание. Об Эдварде Схиллебексе (1914–2009) знавшие его современники говорят: «Он очень много читал».

Для того, чтобы стать богословом, необходимо очень много работать и очень много размышлять. А всякое желание заменить труд введением субгностических построений для подмены элементарного навыка и трудолюбия упраздняет богословие. Термин «субгностический» обозначает в данном случае формально ортодоксальное построение, которое, однако, содержит в себе элементы богословско-мировоззренческих конструкций, позволяющие провести отождествление спасения со знанием, а также обосновать принципиальное неравенство людей, находящихся на различном уровне духовного развития, понимаемого в горизонтальной статической перспективе.

о. Иосиф: Опираясь на молитву и ежедневный творческий труд, богослов несет слово Истины в народные массы, или по-евангельски – «Свет во откровение языков». Это особенно острая тема, если вспомнить, что многие выдающиеся философы и мыслители с пренебрежением относились к массе как таковой.

Философ Монтень (+1592) писал: «Массе свойственны глупость и легкомыслие, из-за которых она позволяет вести себя куда угодно, замороженная сладостными звуками красивых слов и не способная проверить разумом и познать подлинную суть вещей». В XX веке З. Фрейд писал: «Масса — послушное стадо, которое не в силах жить без господина. У нее такая жажда подчинения, что она инстинктивно подчиняется каждому, кто назовет себя ее властелином».

Н. Бердяев почти в то же время говорил о том, что великая идея христианства так и не стала достоянием масс. Но также он подчеркивал, что христианство хоть и претерпело «деградацию», пройдя через массы, «опошлолось», но его божественное ядро все же вошло в души масс и понемногу уже в них действует. Эта светлая нотка или, как он ее определил, «Революция Духа» есть особый призыв к массам. К сожалению, многие его современники так и не поняли этого обращения: одни осуждали философа, другие усмехались, но были и те, кто осознавал, что лишь глубинное, всесторонне перерождение общества, его радикальная перестройка сможет спасти человечество от всевозможных кризисов. И в этом шествии в массы богословию отведена особая роль. Оно должно идти в авангарде.

о. Августин: Богословие в массы – путь в фундаментализм. Подобное целеполагание является следствием неверного отождествления богословия с миссией и проповедью, что в итоге занижает уровень богословской науки, редуцирует амплитуду движения мысли и превращает богословие в средство, вульгаризирует его, неизбежно упрощая. В свою очередь, вульгаризация богословия

приводит к тому, что действительно богословские идеи остаются без внимания, становятся объектом внеконтекстуальной ссылки на анафемы и осуждения, имевшие место в истории.

В аналогичной герменевтической перспективе с принципом «богословие в массы» полемизировали и великие каппадокийцы, Григорий Богослов и Григорий Нисский, для противостояния обесцениванию богословского знания в угоду мнению большинства, сформулировавшие тезис о богословии – молитве. Молитва, как способность координированного обращения к Подлинному, соединяется с искусством правильно и подлинно мыслить и противопоставляется понижению качества богословского знания, его внедрению в массы, за которым почти всегда оказывается идеология и стремление инструментализировать богословие.

о. Иосиф: Поговорим о постмодернизме. Последний рождает новые и новые вопросы, доселе неведомые миру, в области философии и культуры. Немецкий теоретик постмодернизма Вольфганг Велш, автор книги «Наш постмодернистский модерн» (1987), дает краткое определение этому новому явлению: «Постмодерн начинается там, где кончается целое. И он категорически выступает против новых попыток тоталитаризации – так, например, в архитектуре выступает против монополии интернационального стиля или в теории науки – против ригидного сциентизма, или в политике борется с внешними и внутренними претензиями на господство. Кроме того, постмодернизм использует конец Единого и Целого в позитивном смысле, когда пытается упрочить и развернуть вступающее в силу Многое в его легитимности и своеобразии. Здесь – ядро постмодерна. Исходя из осознания непреходящей ценности различающихся концепций и проектов – а не из-за поверхностности или безразличия – постмодернизм радикально плюралистичен. Его видение – видение плюральности».

Французский философ-постмодернист Жан Франсуа Лиотар, как бы дополняя его, подчеркивают, что постмодернизм – это специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса, «постмодернистская чувствительность». Таким образом, установки постмодерна, имеющие техно-научный характер и, казалось бы, лишённые духовной составляющей, ставят важнейшие вопросы современности: как сохранить единство в многообразии? Что такое техно-наука? Кем мы в ней являемся? Есть ли место Богу в техническом пространстве, в мире хаоса и беспорядка?

о. Августин: Одно из интереснейших прочтений христианства в перспективе постмодернизма мы находим в философии Джанни Ваттимо (род. 1936). «Долгое время я вставал рано: чтобы пойти на мессу перед школой, работой, университетскими курсами»^[1]. Так было в юности. Потом же, философ после Ницше и Хайдеггера, Ваттимо долгое время противопоставляет себя вере, но в 90-х неожиданно возвращается. Он возвещает начало безрелигиозного христианства, в котором все, даже наиболее неприемлемые прежде догматы, приняты и неоспоримы. Ваттимо молится по латинскому часослову, говорит об упразднении морали, провозглашает «дебелое мышление» и собирает переполненные аудитории. Ваттимо – это яркое мышление. В его философии Крест Христов становится апогеем секуляризации, когда Бог как насилие раскрыт как иллюзия, а история христианства становится последовательным откровением этой тайны. Ваттимо не говорит о Воскресении.

о. Иосиф: Именно учение о Воскресении Христовом является основополагающим принципом христианского богословия. «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15.14). Апостол Павел обращает эти слова к Коринфянам, со всей категоричностью, без обсуждений – «да» или «нет». Воскресение Христово – сердцевина Евангелия и суть веры. Церковь восприняла эту веру от апостолов, чтобы свидетельствовать о ней из поколения в поколение.

Многие философские системы и религиозные доктрины готовы были принять и часто даже принимали и христианскую мораль и этику, но Воскресения Христова не могли вместить. Апостолы столкнулись со многими сомнениями, спорами и недоуменными вопросами. Возражения и противодействия встречали первые христиане и святые отцы. На фундаменте веры в Воскресение Христово зиждется православная догматика, христология, сотериология и эсхатология. Если сместить Воскресение, превратится в пыль и прах все остальное богословское учение о триадологии, еклезиологии и антропологии.

о. Августин: Для ранней патристики воскресение человеческого тела делается настолько очевидной частью христианской антропологии, что рассуждение о человеке начинается именно с него. Впоследствии перспектива изменяется. Более ранние Символы веры говорят о «воскресении плоти», более поздние, среди которых Никео-Константинопольский, исповедуют воскресение мертвых.

В этих деталях намечался тот путь, что предстояло пройти нашей цивилизации в размышлении над пределом, обозначающим упразднение. Воскресение как идея, представление, убеждение, не основанное на исторической вере в восстание из мертвых Иисуса Мессии силой Бога и Отца, не способно устоять. Здесь раскрывается, на мой взгляд, принципиальное отличие философии от богословия.

Будучи частью хронологической традиции искусства мыслить и понимать, философия не может освободиться от необходимости постоянного соответствия законам причины и следствия, сообразования с предшествующей по времени линией мышления, следования логике, места здравого смысла, каждый раз становящегося таковым в непреодолимой зависимости от пространственно-временного контекста. Характерным отличием богословия становится наличие в нем мест, топосов, координат, в которых подобные соответствия не необходимы и даже невозможны. Они освобождают мышление, здесь же раскрывают его навстречу сакраментальному пространству таинства. Объективность и правда таинства – в реальности присутствия здесь и сейчас Того, Кто преодолевает всякое хронологическое настоящее и делает его настоящим по подлинности. Традиция назвала это место свободы догматом. Здесь больше нет необходимости в обоснованности и зависимости от причин и следствий. Местом начала этой сакраментальности стало историческое Воскресение Иисуса из Назарета, продолжающееся в истории в пронизывающем ее пасхальном торжестве и неуклоннодвигающее историю навстречу упразднению. В эсхатологической Пасхе упразднится и богословие, но в истории оно никогда не будет упразднено.

[1] Gianni Vattimo, *Credere di credere*, Garzanti 1996, 7 (перевод цитаты: А.Соколовски).

[Богословие](#), [Догматическое богословие](#), [Патрология](#), [Сотериология](#), [Пневматология](#)

Ключевые слова:

[Богословие](#)

См.также:

[11-я Всероссийская ежегодная конференция «Бог. Человек. Мир.»](#)

[Международная конференция:"Богословские перспективы современной культуры".](#)

Польсков К.О. [К вопросу о научном богословском методе](#) // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 93-101.

Реферат статьи

[Ардт и Православие](#)

[University of Wales: Lectures on "Medieval Law and Redemption" and Nicholas of Cusa](#)

[The Mystery of the Church: A Course in Orthodox Dogmatic Theology](#)

[A Silent Action: Engagements with Thomas Merton](#)

Портал [Богослов.Ru](#)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2013. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: Портал Богослов.Ru.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.

